

Георгий Чулков

**Автоматические записи Вл.
Соловьева**

Георгий Иванович Чулков

Автоматические записи Вл. Соловьева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665185

Чулков Г.И. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«Содержание всех автографов, несмотря на то что они относятся, быть может, к разным периодам жизни Соловьева, аналогичны. Красною нитью проходит тема Софии. Оставляя пока открытым вопрос о том, кто это действующее лицо, эта собеседница Соловьева, т. е. принадлежит ли голос, диктующий эти записи Соловьеву, его болезненному воображению, или этот голос в самом деле имеет за собою некоторую реальность, а в случае этой возможной реальности, кому он принадлежит – истинной Софии или недостойной самозванке, или, наконец, конкретному живому лицу, обратимся к объективному рассмотрению текста...»

Содержание

Предисловие к публикации	4
Автоматические записи Вл. Соловьева	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12
Комментарии	

Георгий Иванович Чулков

Автоматические записи Вл. Соловьева

Предисловие к публикации

Георгий Иванович Чулков (1879–1939), прозаик, критик, поэт, публицист, был заметной фигурой в среде символистов и популярным писателем начала XX в. Его близкими знакомыми и друзьями были В. Иванов, А. Блок, Ф. Сологуб, Л. Зиновьева-Аннибал, Л. Андреев. О них, о «психологии ревнителѐй символизма» он рассказал в книге мемуаров «Годы странствий» (1930). До революции он выпустил несколько томов рассказов, сборники литературно-критических и публицистических статей «Покрывало Изиды» (1909), «Вчера и сегодня» (1916), романы «Сатана», «Сережа Нестроев», «Метель».

Первую свою книгу – сборник стихов «Кремнистый путь» (1904) – Чулков опубликовал, находясь под надзором полиции: в годы учебы в Московском университете он отдал дань революционным идеям, за что поплатился ссылкой в далекий улус Амга Якутской губернии. Попав после освобождения в 1904 г. в Петербург, он был приглашен Мереж-

ковскими на должность секретаря журнала «Новый путь» и с головой окунулся в литературную жизнь тех лет. С этого времени Чулков непреременный участник всех сколько-нибудь заметных дискуссий по вопросам «нового искусства», посетитель ивановских «сред», соратник В. Мейерхольда. Он явился инициатором создания философского журнала «Вопросы жизни», редактировал журнал «Народоправство» (1917–1918), в котором печатались статьи В. Иванова, Н. Бердяева, Н. Иорданского, А. Ремизова и др.

Но самым громким и скандальным его «детищем» стала теория «мистического анархизма», с которой он выступил в книге «О мистическом анархизме» (1906) и отголоски которой имеются в его работе «Анархические идеи в драмах Ибсена» (1907). Теория вызвала бурную полемику. На автора посыпались обвинения в эклектичности, незрелости, непродуманности философских обоснований (хотя, по сути, Чулков, правда, на свой лад объединив социальные и мистические теории, развивал идеи В. Иванова об анархическом содружестве людей, связанных общностью религиозно-этического сознания; кстати, книге было предпослано предисловие В. Иванова). «Мистический анархизм» остался, по сути, единственной в «чистом виде» философской эскападой Чулкова, за которую, впрочем, он себя впоследствии жестоко осудил¹.

¹ «... перечел свою статью „Об утверждении личности“. Это статья – дурная статья, и я дорого дал бы, если бы можно было ее изничтожить. <...> Решительно

Статья Г. И. Чулкова «Автоматические записи Вл. Соловьева» представляет собой текст его доклада, прочитанного в 1927 г. на заседании Комиссии по психологии творчества при философском отделении ГАХН, действительным членом которой он состоял в 1922–1930 гг. (см. запись в его трудовой книжке: ЦГАЛИ. Ф. 941, оп. 10, ед. хр. 775). Видимо, позже доклад был переработан в статью, поскольку в отчете о научной работе, хранящемся в личном деле Г. И. Чулкова (ЦГАЛИ. Ф. 941, оп. 10, ед. хр. 691), в списке трудов, подготовленных им к печати, фигурирует работа, озаглавленная «Неизданные автографы Владимир, Соловьева».

Доклад публикуется по машинописному тексту, хранящемуся в Архиве ИМЛИ (Ф. 36, оп. I, ед. хр. 104). Ссылки на источники, приводимые автором в скобках, даются в соответствии с современными правилами оформления библиографического аппарата. Он отпечатан на бумаге желтоватого цвета большого формата (в настоящее время ветхой: первая страница серьезно повреждена, и текст восстановлен по обнаруженному на обороте одной из последующих страниц черновику, края многих листов обтрепались). Слова на иностранных языках вписаны рукой Г. И. Чулкова фиолетовыми чернилами, часто скорописью, что крайне затруднило их транскрибирование. Этим объясняется то, что некоторые буквы латинского алфавита даются предположительно. Фиолетовыми же чернилами сделаны и немногочисленные вставки зачеркиваю». (ОР ГБЛ. Ф. 371, карт. 2, ед. хр. 31, л. 1).

ки и исправления, учтенные при публикации. Текст обрывается на 13-й странице.

Внимание к религиозно-философскому наследию В. С. Соловьева сохранялось у Г. И. Чулкова на протяжении всего его творческого пути. Одна из первых его литературно-критических работ «Поэзия Владимира Соловьева» появилась в «Вопросах жизни» в 1905 г. В ней содержалось противопоставление религиозно-философской системы русского ученого его поэтическому творчеству, в котором Чулков обнаружил «великий черный разлад», свойственный его душе, и «черную победу» смерти, несовместимые с «ЛЮБОВЬЮ и ТВОРЧЕСТВОМ здесь, на ЗЕМЛЕ». «Между сияющей ледяной вершиной и цветущей долиной разверзается пропасть. Перебросить через эту пропасть мост не сумел Соловьев, как не сумело это сделать все ИСТОРИЧЕСКОЕ христианство»², – утверждал Чулков.

Впоследствии Чулков изменил свое мнение о философии и поэзии В. С. Соловьева, хотя в рассказе «Отмщение», напечатанном в 1916 г. (сборник «Люди в тумане»), он снова вернулся к первоначальной своей трактовке, создав, с опорой на личность философа, образ известного писателя, отвергающего «земную» любовь, но которого, как бы мстя, настигает в конце жизни безответное страстное чувство. В целом же на протяжении всей своей жизни Чулков оставался верным «соловьевцем». В публичных лекциях 1908 и 1912–

² Вопросы жизни. 1905. N 4–5. С. 113.

1913 г. он постоянно обосновывает символизм как сочетание эстетической теории Владимира Соловьева о «магическом искусстве» и идей Достоевского о «реализме в высшем смысле». И не случайно заключительным эпизодом в его неопубликованном биографическом романе-исследовании «Жизнь Достоевского» (1932–1934) стала сцена похорон, когда за гробом писателя неотступно следят «странные глаза» присутствующего здесь молодого человека – Владимира Соловьева.

Также, начиная приблизительно с первой половины 1920-х годов, Чулков пересмотрел свой взгляд на историческое христианство. В письме к жене от 24 декабря/6 января 1935 года он писал: «Мой взгляд тогдашний (имелось в виду начало литературной деятельности. – М. М.) на историческое христианство ложен <...> я решительно заблуждался в оценке и понимании богочеловеческого процесса. Главное мое заблуждение, противоречащее <нрзб.> моему внутреннему миру, – это уклончивое отношение к исповеданию той Истины, что две тысячи лет назад была воплощена до конца и явлена была человечеству в своей единственности и абсолютности. <...> Я исповедую, что галлилеянин раввин Иисус, две тысячи лет назад распятый по приказу римского чиновника Пилата <...>, был Истинным Спасителем всего мира и воистину воскрес „по писаниям пророков“. Я верю, что прекраснее, мудрее и свободнее не было на земле существа –

не было и никогда не будет»³. И всю свою деятельность последних двух десятилетий – а Чулкову все же с огромным трудом, но удалось в 20-е и 30-е годы напечатать свои литературоведческие изыскания о Пушкине, Тютчеве, Достоевском, исторические портреты «Императоры» (1928), «Мятежники» (1925), романы и повести из эпохи декабристов – он в этом же письме просил оценивать «в свете этого моего исповедания».

В последние годы именно религия давала ему возможность дышать воздухом «тайной свободы», которого так не хватало в реальной действительности. Писателю это было совершенно необходимо, так как лучшие его произведения оставались под цензурным запретом. Одно из них – повесть «Вредитель» (1931–1932) – было опубликовано только в наше время («Знамя». 1992. N 1).

В дни тяжелой болезни в 1921 г. он оставил в дневнике такую запись «Нищим жил, нищим умираю...»⁴. Она должна была стать началом его завещания. Но подлинным его завещанием стало, конечно, цитировавшееся выше письмо, писавшееся в Рождество 1935 г.

М. В. Михайлова

³ ОР ГБЛ. Ф. 371, карт. 2, ед. хр. 31, л. 1.

⁴ ЦГАЛИ. Ф. 548, оп. 1, ед. хр. 107, л. 59.

Автоматические записи Вл. Соловьева Г. И. ЧУЛКОВ

В этой небольшой заметке, предлагаемой вниманию читателей, я позволю себе транскрибировать девять автографов Владимира Соловьева, до сих пор не известных и нигде не напечатанных. Малые по размеру, они представляют, однако, исключительный интерес как психологические и биографические документы, и в качестве таковых они являются в известной мере ключом к пониманию его поэзии – особенно таких стихотворений, как «Три свидания» или «Das Ewig-Weibliche»^[1]. Мое задание я ограничу воспроизведением этих автографов, описанием их и соответствующими комментариями по данным биографии Соловьева. И там, где мне придется считаться с его философией и его религиозными верованиями, я постараюсь избежать оценки публикуемых документов по существу: в данном случае я не хочу выходить за пределы объективного психологического и историко-критического анализа.

Чтобы понять смысл публикуемых автографов, надо принять во внимание два обстоятельства: во-первых, то, что Соловьев был «визионер», и ему в высшей мере были свойственны переживания «медиумического» типа, во-вторых,

то, что в основе мировоззрения Соловьева лежала гностицистическая и христианская идея Софии. Автографы, о которых идет речь, суть не что иное, как «медиумические» записи, сделанные рукою поэта, весьма типичные для так называемого автоматического письма. Эти автографы не единственные. Нам известно, что имеются и другие записи такого же приблизительно содержания, до сих пор не опубликованные.

Автографы, нами транскрибированные, получены из двух источников. Семь из них принадлежат А. М. Кожебаткину^[2], который любезно предоставил их нам для опубликования. Два других найдены нами в бумагах Соловьева, хранящихся в рукописном отделении Саратовской университетской библиотеки. Этими двумя автографами мы воспользовались благодаря любезности С. Л. Франка, которому и приносим нашу благодарность.

О «визионерстве» Владимира Соловьева и об его «медиумических» способностях мы знаем из общеизвестных литературных источников, а также из устного предания. С нами делились своими воспоминаниями о философе лично знавшие его Г. А. Рачинский^[3], С. М. Соловьев^[4]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Das Ewig-Weibliche (нем.) – Вечная Женственность. Стихотворение, как и поэма «Три свидания», датируются 1898 г.

2.

Кожебаткин Алексей Мелентьевич (1884–1942), секретарь издательства «Мусагет», владелец издательства «Альциона», библиофил.

3.

Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939), литератор, переводчик, философ, председатель Религиозно-философского общества в Москве.

4.

Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942), поэт, прозаик, религиозный публицист, переводчик, племянник В. С. Соловьева, автор труда «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева» (Брюссель. 1977).